

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Крих А.А.* , Мулина С.А., Чернова И.В.

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55, Омск, 644077
E-mail: krikh_aa@mail.ru (Крих А.А.); swetmulina@rambler.ru (Мулина С.А.);
ChernovaIV@omsu.ru (Чернова И.В.)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Неформальные экономические практики получили широкое распространение в Сибири на рубеже XIX–XX вв. среди крестьянского переселенческого населения, поскольку являлись частью процесса адаптации к изменившимся в результате миграции природно-климатическим и социальным условиям. На примере двух природно-климатических зон юга Западной Сибири — урмана и степи — рассматриваются различные вариации природопользования, сложившиеся в хозяйстве крестьян-переселенцев, зачастую носившие «хищнический» характер.

Ключевые слова: неформальная экономика, традиционное природопользование, колонизация, крестьяне, переселенцы, западносибирские урманы и степь.

Введение

В процессе освоения окраин Российской империи важнейшую роль играло государство, законодательно регулируя как вольное переселенческое движение, так и штрафную колонизацию, организуя научные исследования отдаленных российских территорий и прилагая усилия по включению переселенческого движения в политический дискурс.

Одновременно с изучением механизмов государственного регулирования переселенческой политики и хозяйственной деятельности крестьян, исследователи обращают внимание на распространение в крестьянской среде неформальных экономических практик, часто идущих вразрез с установками государства. Подчеркивается, что «в рамках общинной психологии крестьянский мир старался закрыться от официальной опеки, вмешательства в его внутренние дела. Поэтому утаивались размеры посевных площадей, условия приема в общину, источники мировых доходов, искажалась отчетность и существовала практика ведения параллельных “темных” записей выборными сельскими должностными лицами» [Роль государства..., 2009, с. 125].

Неформальные практики, появившиеся не из-за беспечности властей, а вопреки их попыткам обеспечить максимальный контроль за хозяйственной и социальной жизнью населения, получили в литературе наименование «пассивного» или «рутинного (традиционно-повседневного)» сопротивления [Никулин, 2003].

Термин «неформальные экономические практики», несмотря на частое использование в современных исследованиях, главным образом в рамках экономической социологии, не имеет четкого определения в литературе. Как правило, под ним понимают различного рода экономическое поведение населения, не регулируемое законодательством [Плюснин, 2018]. Среди неформальных практик выделяют теневую экономику предприятий и так называемую ненаблюдаемую экономику домохозяйств, ограниченную производством и распределением необходимых средств существования семей, включая неформальную занятость в личных подсобных хозяйствах, неформальные кредитные отношения и межсемейные сети взаимопомощи. Люди, занятые в неформальной домашней экономике, не скрывают свою деятельность от государства, а государство смотрит на эту деятельность «сквозь пальцы», не пытаясь ее контролировать [Барсукова, Радаев, 2012, с. 99].

Наиболее распространены исследования неформальных практик в современном обществе, в которых основным инструментарием являются включенное наблюдение, интервью и другие полевые методы сбора информации. Исследователями Высшей школы экономики на примере современных сообществ Краснодарского края была построена модель эволюции промысловых практик, основанием которых выступает соотношение архаических и современных видов промыслов в экономическом поведении населения. Была отмечена зависимость промыслов от распола-

* Corresponding author.

гаемой ресурсной базы и оценены направление развития промышленной деятельности, угрозы и риски для устойчивости сообществ [Там же]. Материалы о «вынужденном браконьерстве» населения отдаленных сибирских сел стали основой работы К.Б. Клокова, в которой автор доказывает, что «неформальные отношения в сфере природопользования, а также унаследованные от прошлого традиционные практики охоты и рыболовства являются основными условиями, которые обеспечивают устойчивое состояние локальных сообществ северных народов» [2020, с. 142].

Подобных исследований применительно к исторически более отдаленным во времени сообществам не так много. На примере системы жизнеобеспечения сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны группой барнаульских исследователей под руководством Т.К. Щегловой рассматривались замещающие технологии, опирающиеся на архаические практики присваивающих видов хозяйствования, находящихся вне сферы государственного контроля [2018]. Появление новых хозяйственных практик как условие успешной адаптации белорусских переселенцев в Сибири на рубеже XIX–XX вв. исследовала М.Л. Бережнова [2009].

В настоящей работе неформальные практики рассматриваются в контексте процессов адаптации к изменившимся в результате миграции природно-климатическим и социальным условиям. Наиболее рельефно этот аспект неформальных практик проявился на рубеже XIX–XX вв., в годы масштабных крестьянских переселений в Сибирь. В данном случае неформальные практики будут представлены не только как реакция крестьянского общества на управленческие решения, но и как ответ на природно-климатические, социально-экономические условия в новых местах проживания.

Методологическим основанием выступает концепция неформальной экономики, выдвинутая Т. Шаниным, который рассматривал неформальную экономику как универсальный компенсаторный механизм, позволяющий «смягчить» наиболее острые социальные и/или экономические противоречия, обеспечивающий выживание в условиях, когда остальные социальные механизмы дают сбой [Самсонов, 2010].

При характеристике адаптационных механизмов мы также опирались на «культурно-антропологический» подход в изучении вопросов адаптации системы жизнеобеспечения сибирской деревни к порайонным, локальным условиям, сформулированный в работах Т.С. Мамсик [1989], Н.А. Миненко [1991], Г.В. Любимовой [2018], О.Н. Шелегиной [2001], В.А. Липинской [2003] и других сибирских исследователей, занимающихся изучением адаптационных процессов.

Целью данного исследования является определение роли неформальных экономических практик в процессе адаптации мигрантов на юге Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Основным источником стали работы чиновников Переселенческого управления, игравшего роль «координационного центра и научного звена в колонизационных проектах империи» [Ремнев, Суворова, 2013, с. 244–245]. Этот источник хорошо известен исследователям. В частности, Н.Г. Суворова отмечала, что описания таких проявлений крестьянских миграций в Сибирь, как хищническое истребление леса, регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, утрата традиций общинной жизни, возвратная миграция и т.д., описывались прежде всего в рамках социально-экономического дискурса. «Причины этих негативных явлений предпочитали видеть исключительно в материально-финансовой сфере: недостатке денежных средств на домообзаводство, неудобных землях, необеспеченности новоселов рабочими руками, скотом, инвентарем». Хотя были и те, кто предупреждал, что переселение в Сибирь может стать «тормозом» для развития России, указывал на «культурное бессилие» русских крестьян [Ремнев, Суворова, 2010, с. 43]. Описания чиновниками неформальных практик крестьян имели четкую привязку к местности, что позволяет сравнить ситуации в различных природно-климатических зонах изучаемого пространства.

К концу XIX в. крестьянское переселение стало вполне направляемым, но не всегда управляемым государственными службами процессом. В связи с чем основной поток переселенцев на рубеже XIX–XX вв. был устремлен на юг Западной Сибири — в лесные (урманые) уезды Тобольской и Томской губерний и степные районы Акмолинской области.

Неформальные практики в урмане

Лесная природно-географическая зона юга Западной Сибири охватывает в Тобольской губернии таежные пространства в бассейнах правых притоков Иртыша: Шиша, Туя, Уя, Бичи и др., известные под общим названием Тарских урманов; а в Томской губернии — Томско-Чулымскую тайгу, примерно совпадающую по территории с Чулымской казенной дачей Томского округа, и Мариинско-Чулымскую тайгу, из которой была образована Верхне-Чулымская казенная лесная дача Мариинского округа. Эти территории долгое время считались непригодны-

ми для развития земледелия. Исчерпание к середине 90-х гг. XIX в. запасов свободных земель в заселенных местностях Сибири заставило обратиться к колонизации тайги. Если до 1896 г. заселение тарских урманов ограничивалось почти исключительно пределами Седельниковской волости, расположенной в верховьях р. Уя, то в 1897–1898 гг. на этих территориях появляется целая сеть переселенческих участков.

Говоря о неформальных практиках землепользования, свойственных этой природно-географической зоне, прежде всего отметим неконтролируемую вырубку переселенцами леса. Надворный советник В.Л. Кигн отмечал: «Избыток леса и являющаяся следствием этого крайняя дешевизна материалов и вообще продуктов лесной промышленности — обуславливают в тарских урмане самое беспорядочное, хищническое, если можно выразиться, пользование лесом, как у крестьян-старожилов, так и у переселенцев; последние впрочем большею частью оседают на таких местах — где прежние непроходимые урманы уже сведены старожилами, где напоминают о них жалкие остатки могучих лесов и березовая поросль» [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 359, л. 8]. Не будучи в состоянии бороться с лесом одним топором, первый земледелец и охотник-промышленник, появившийся в крае, призвал на помощь огонь, который за последние 20–25 лет и произвел в урмане громадные опустошения.

Уже к рубежу XIX–XX вв. пожары коренным образом изменили характер урмане. Преобладавшие в нем хвойные породы сменились лиственными, так как на спаленных пространствах погибшая хвоя редко возобновляется и на смену ей появляются березняк и осина [Там же, л. 8 об.]. Десятилетие спустя статистик и этнограф Алихан Букейханов, объехав 27 переселенческих поселков Атирской и Седельниковской волостей Тарского уезда, обнаружил, что способы очистки земли из-под леса остаются примитивными: лес сжигают, нисколько не заботясь о приостановлении пожара, так что летом тарский урман горит ежедневно в разных местах. Никто этот пожар не тушит, прекращается он сам собой по какой-либо случайной причине [Букейханов, 1908а, с. 5]. Соглашаясь, что лес в урмане — первый враг земледельца, он осуждает его бессмысленное убыточное истребление [Букейханов, 1908b, с. 7]. Описанные им рациональные способы борьбы крестьян с лесом, практикуемые в отдельных деревнях, отличались трудоемкостью и дороговизной. Например, в п. Имшагальском практиковали следующий способ очистки от березового леса: «...в июне, когда береза в соку, ее кругом затесывают до древесины, перерубая кору и заболонь. Счерченный лес на другой год превращается в мертвые столбы, свободно пропускает лучи солнца и, так сказать, осветляет почву. В этом мертвом лесу появляется покос. Счерченный лес на корню гниет 5 лет. Счерченная осина — 7 лет» [Букейханов, 1908а, с. 5]. В п. Герасимовском переселенцы нанимали старожилов из п. Имшагальского за 30 руб., чтобы вырубить, разрубить, сложить в кучу, сжечь и выкорчевать все пни с $\frac{1}{2}$ десятины смешанного леса. Дороже всего обходилась расчистка от крупного хвойного леса из лиственницы и сосны. В п. Курляндском расчистка одной десятины такого леса требовала от 70 до 80 руб. Переселенцы, не имея сил и средств на очистки грив, стремятся занять «гари». При этом старые гари, образовавшиеся от давних пожаров, гораздо легче разрабатывать, чем новые, поскольку несгоревшие колоды и пни уже подгнили и легко могут быть удалены [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 359, л. 9].

Другую причину хозяйственного хищничества указывал В.Л. Кигн. Он полагал, что все это происходит от того, что нет в Сибири землевладельцев-собственников. «В Сибири хозяйничает община, то есть никто не хозяйничает, а члены общины один перед другим вырубает и сжигает леса и истощают землю. Лес в очень короткое время отодвинется от селений на десятки верст» [Дедлов, 2008, с. 327].

Для урманых новоселов важным видом хозяйственной деятельности являлись лесные промыслы. В.Л. Кигн отмечал, что почти все население по р. Ую и к северу от нее занимается сбором кедровых орехов — «шишкованием» и охотой на рябчиков, белку (реже на медведя и лося), ставят капканы на волка и лисицу, слопцы и другие ловушки на мелкого пушного зверя. Шишкование в хороший год дает до 150 и более рублей на семью, в среднем же каждый промышленник набирает орехов от 20 до 100 пудов. Продают орехи на месте скупщикам (по большей части торгующим крестьянам) или возят в Тару. Пуд ореха стоит от 1–1,5 руб. Охота на рябчика приносит доход 20–50 руб., а пара рябчиков в Таре обычно стоит 20–40 коп. С проведением железной дороги сибирская дичь стала экспортироваться в Москву и Санкт-Петербург. Охота же на крупного зверя хотя и была более выгодной (медвежья шкура в Таре стоила до 50 руб., а лосиная — до 10 руб.), но не могла стать источником регулярного дохода, поскольку зависела от удачи. Масштабному промыслу дичи препятствовал недостаток у поселенцев ружей. Старший помощник начальника отделения канцелярии Комитета министров Н.В. Соснов-

ский даже предлагал завести в складе сельскохозяйственных орудий г. Тары хотя бы небольшой запас берданок, которые вышли из употребления в войсках и теперь распродают Военным министерством по низкой цене [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 408, л. 10 об.]. Интересно, что, несмотря на обилие водоемов, размеры рыбного промысла на этой территории ограничивались домашним потреблением [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 359, л. 140 об.–141].

Переселенцы, обосновавшиеся в тарском урмане в 1890-х гг., к 1909 г. мало чем отличались от старожильского населения, занимавшегося преимущественно охотой и рыболовством. Однако появление рядом с Бичилинской лесной казенной дачей ряда новых переселенческих участков «окончательно свело к нулю все урманские промыслы и явился один только лесной промысел, как по разработке казенного, так и своего надельного леса», отмечал в 1909 г. производитель работ М.И. Балкашин, обследовавший северную часть тарских урманов [РГИА. Ф. 391, оп. 4, д. 38, л. 62 об.]. Для того чтобы обзавестись прочным хозяйством, крестьяне, переселившиеся в начале XX в., занялись лесозаготовками и продажей лесоматериалов на Иртыше, но, поскольку у них не было достаточного количества лошадей, переселенцы стали нанимать для транспортировки лесин старожилов, в связи с чем существенно сократили доходность лесного промысла [Там же, л. 63].

Исходя из своих наблюдений за населением, проживающим в урмане, М.И. Балкашин делает вывод, что Бичилинская казенная лесная дача представляет большую ценность в виде лесных угодий, где сложившиеся неформальные экономические практики крестьянского населения в виде заготовки леса на продажу переводятся в разряд формальных, контролируемых государством, нежели в виде колониационного фонда для обмежевания новых переселенческих участков [Там же].

Безнадежная борьба с природой и постоянная угроза голода стали причинами слабой оседлости переселенцев в тарских урмане. Некоторые поселки, писал Букейханов, «служат не местом заселения, или, как говорят высоким стилем, «колонизации», а местом этапа» [1908b, с. 10]. Так, крестьяне п. Петровского продавали дом и «службы» за 15–25 руб., а разработанную десятину по 1 руб. и уходили на новые земли [Там же, с. 11]. Сосновский описывает, как несколько жителей п. Чингалы распродали свои постройки и расчистки вновь прибывшим и решили перебраться со своими семьями дальше в урман, на притоки верхнего Туя — Тугры и Укратус. Но причины данного переезда чиновник видел совсем в другом. «Гонит их туда не нужда, потому что в Чингалах они прекрасно устроились, а неудержимый инстинкт охотника, заставляющий искать диких нетронутых еще мест с изобилием зверя и дичи» [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 408, л. 10 об.].

Своеобразным вариантом неформальной экономической практики мигрантов в местностях, богатых лесом, становилась плотная застройка усадеб, в результате которой даже недавно образованные поселки представляли собой «сплошные деревянные стены, между которыми, за исключением улиц и небольших переулков, нет промежутков» [РГИА. Ф. 391, оп. 2, д. 919, л. 9 об.–10]. Б.К. Сувчинский, обследовавший переселенческие поселки тарских урманов в 1900 г., пришел к выводу, что «загромождение постройками усадебных мест происходит и потому, что крестьяне, прибывшие по одному проходному свидетельству, получают обыкновенно по одной усадьбе, хотя состав их семейств иногда настолько многочислен, что в одной избе они поместиться не могут и на отведенном участке строят по две и даже по три избы» [Там же, л. 10]. Подобная застройка поселения шла вразрез с требованиями переселенческих чиновников, апеллирующих к правилам строительного устава. В связи с этим Б.К. Сувчинский в своем отчете настаивал на присутствии чиновников по крестьянским делам при «закладке селений» [Там же, л. 9 об.], чтобы не допускать подобной скученности в постройках.

Неразработанность в законодательстве многих сторон крестьянского быта позволяет говорить о большей части экономических практик переселенцев как о неформальных. Директор департамента государственных земельных имуществ тайный советник Тихеев характеризует их как «устойчивые, традиционные способы взаимодействия, нормы обычного права», которые, в частности, «до известной степени» регулировали «взаимные поземельные отношения первых засельников с позднейшими» [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 359, л. 18]. Так, чиновник допускал, что «взаимные поземельные отношения первых засельников с позднейшими будут до известной степени регулироваться выработанными для подобных случаев нормами обычного права, опираясь на которые последние не допустят первых занять удобные места для усадеб прибрежные места какими-либо другими угодьями, например пашнями, или перегородить этими угодьями дорогу от берега к отдаленным от него годным под распашку землям и т.п.» [Там же].

Неформальные практики проникают и в систему землепользования. Заведующий тобольской партией старший производитель работ С.П. Каффка в 1899 г. обратил внимание Департамента государственных земельных имуществ на то, что в Тарском уезде в 1897 г. возник целый ряд поселков с хозяйствами подворного типа, разделяющихся по способу водворения на несколько групп [РГИА. Ф. 391, оп. 1, д. 522, л. 58–60]. В каждой из них складываются особые практики землепользования. Например, в поселках Курляндском, Межевом, Клине и Лилейском, расположенных по притокам р. Уй, переселенцы устроились отдельными хуторами. При этом каждый из переселенцев стремился захватить в свое пользование урочище по возможности обеспеченное всеми угодьями, не думая о том, что его подворным хозяйством захвачена площадь удобной земли, почти всегда превышающая то количество удобных десятин, какое приходилось бы ему по числу душ мужского пола всего хозяйства. В поселках Юрьевском и Эстонском переселенцы водворились деревней и имели общий выгон, а пахотные, покосные угодья и леса были поделены подворно. В поселках Федоровском, Литковском, Березовском и Александровском, основанных в верховьях р. Шиш, особо выбранный «земельный» староста указывал каждой водворяющейся семье отдельный участок, сообразно числу душ в семье и принимая в расчет 15-десятичную пропорцию удобной земли на душу. Когда участки более или менее заполнились, то был приглашен от общества этих поселков частный межевщик, который с согласия подворников и при их участии проложил межи в каждом из подворных хозяйств.

Несмотря на разнообразие хуторских хозяйств Тарского уезда, по мнению С.П. Каффки, подобная организация хозяйства сопряжена с рядом минусов. Во-первых, у переселенцев-хуторян находятся в пользовании отрубы земель более обширные в сравнении с теми, каковые приходилось бы получить в пользование переселенческой семье при общинном пользовании землей. Во-вторых, на занятых хуторянами участках остаются неиспользованными и непригодными для ведения самостоятельных хозяйств междугранки [Там же, л. 60–60 об.]. Кроме того, возникали постоянные недоразумения между общинниками и хуторянами. На Селимском участке они приняли настолько острую форму, что требовалось вмешательство судебной власти [РГИА. Ф. 391, оп. 2, д. 838, л. 3 об.]. Когда все попытки администрации решить конфликтную ситуацию не увенчались успехом, было поддержано решение соединенного схода домохозяев Больше-Селимского участка, на котором из 77 человек 63 домохозяина высказались за подворную форму землепользования. В данном случае неформальная практика через решение сельского схода дает возможность не только расширить свое влияние, но и получить поддержку властей.

Схожая ситуация возникает в п. Кайбинском Семилужной волости Томской губернии, жители которого в 1903 г. выступили с ходатайством о разделе участка. Из 45 домохозяев 43 согласились на перенос усадеб, устроенных у большинства «довольно прочно». Причиной для отказа двух домохозяев стало то, что у каждого было по одной рабочей душе, которой не под силу вновь устраиваться, но при готовности односельчан помочь перенести и поставить постройки и это препятствие устраняется.

Землемер Переселенческого управления Шульц поддержал желание переселенцев, полагая, что раздел участка на соответствующее количество хуторов мог бы благоприятно отразиться на экономическом положении поселка [Там же, л. 57]. Стремление крестьян интенсифицировать хозяйство в данном случае было связано не только с традициями землепользования на родине, в Курляндской губернии, но и с тем, что при полном отсутствии посторонних заработков, если не считать крайне незначительную и носящую случайный характер продажу лесной дичи в Томске, все внимание переселенцев сосредоточено на полеводстве. Раздел позволил бы переселенцам более рационально использовать пастбища участка, чем при общей небольшой покотине [Там же, л. 56 об.].

Неформальные практики в степной зоне

Иная система землепользования и природопользования сложилась в южных степных регионах Западной Сибири. Акмолинская область, с ее степными пространствами и гористой полосой с озерами и сосновыми лесами, была включена в число регионов для добровольного аграрного заселения в 1889 г. [Тихонов, 1903а, с. 21] Многие крестьяне-новоселы, переселившиеся преимущественно из сибирских и северных европейских губерний и водворенные на переселенческих участках в Киргизской степи, пользовались земельными угодьями на основании захватного права, используя переложную систему хозяйствования [Тихонов, 1903б, с. 91]. По наблюдениям советника Акмолинского областного правления Т.И. Тихонова, объезжавшего в 1895 г. степные переселенческие поселки, захватный способ практиковался в первые годы су-

ществования новых поселений, особенно в тех, которые были заполнены не сразу и где оставались свободные душевые доли [Там же]. Наибольшие урожаи на целинной пашне давала пшеница, поэтому крестьяне предпочитали засеять именно ее.

В 1890-е гг. в степных уездах Западной Сибири установилась хищническая эксплуатация пахотной земли, заключающаяся в переложной системе хозяйства, захватном способе пользования пахотными угодьями, ежегодных посевах одного рода хлеба, преимущественно пшеницы, без плодосмена при тонком слое степного чернозема [Тихонов, 1896, с. 323]. «Современный способ обработки земли, быть может и рациональный с точки зрения наибольшей доходности, тем не менее иначе не может быть назван как только хищническим, от земли берется всё, а возвращается мало», — отмечал Г.Е. Катанаев в 1893 г. во время инспекционной поездки по Кокчетавскому и Атбасарскому уездам Акмолинской области [ГИАОО. Ф. 366, оп.1, д. 417, л. 43 об.]. После такой эксплуатации через два-три года целинная земля истощается и «пахари-хищники снимаются со своих мест и идут искать других нетронутых [земель] в Семиречье, Усть-Каменогорском уезде, на Бийской линии и проч.» [Там же, л. 44–44 об.].

Причины хищнического отношения к пахотным землям крестьян-новоселов, переселившихся в Степной край, виделись в их плачевном хозяйственном положении на родине. Переселившись из густонаселенных и малоземельных губерний Европейской России, мигранты «попали в положение путника, томимого невыносимой жаждой и очутившегося вдруг у обильного источника водного. Результат чрезмерного утоления этой жажды... выразится в каком-нибудь болезненном явлении, которое потом может и пройти благополучно, не оставив следа» [Тихонов, 1896, с. 327]. Т.И. Тихонов считал, что «неурядица в землепользовании» явление временное и быстро проходящее: «Новоселы оживутся, присмотрятся к окружающим их условиям, к местной природе, и, наверное, заведут лучшие земельные порядки, какие не придумает и самая разумная деятельная опека местной администрации» [Там же, с. 326].

«Нужда и беспомощность» крестьян-переселенцев стали причинами, по которым новоселами практиковалась сдача в аренду надельной земли посторонним лицам по низким ценам и на продолжительные сроки без согласия крестьянской общины [Там же, с. 327]. Данная мера способствовала получению переселенцами хоть каких-нибудь средств на необходимые расходы при условии скудости вывезенного с родины капитала, недостаточности для прочного водворения государственного пособия и ограниченности вариантов сторонних заработков [Там же]. К обозначенным Т.И. Тихоновым причинам сдачи в аренду надельной земли следует добавить собственническое отношение переселенцев к выделяемым им земельным участкам. А.Н. Куломзин в своем отчете о поездке в Сибирь в 1896 г. отмечал, что переселенцы оказались «весьма придиричивы в охранении своих прав на землю и ее неприкосновенности. Зашла ли скотина на их участок, срубил ли кто кол или метелку в их лесу, они сейчас же поднимают шум, загоняют скотину и идут с жалобами» [РГИА. Ф. 1642, оп. 1, д. 70, л. 55]. При таком отношении к надельной и общинной земле попавшие в состав переселенческих участков старожильческие заимки с посевами и постройками воспринимались мигрантами в качестве их неотчуждаемой собственности. В связи с чем «явившиеся партии переселенцев прямо принялись жать старожильческую пшеницу, отзываясь, что все, находящееся на участке, принадлежит им» [Там же, л. 55 об.].

Данные представления о характере владения переселенцами землей и вытекающая из них хозяйственная практика шли вразрез с правилами об отводе переселенческих участков, по которым на протяжении последующих двух лет засеянные поля должны были оставаться в пользовании прежних хозяев-сибиряков [Там же].

Администрация Степного генерал-губернаторства пыталась ограничить возможности крестьян-переселенцев распоряжаться излишками надельной земли: устанавливался максимальный срок сдачи земель в аренду домохозяевами — три года, и то с разрешения сельского схода; общественный приговор, фиксирующий факт сдачи земли в аренду, должен был визироваться у местного уездного начальника [Тихонов, 1896, с. 328]. Таким образом, сложившаяся неформальная практика сдачи крестьянами своих пустующих надельных земель была взята под контроль властей и существенно ограничена.

Несмотря на активную эксплуатацию земельных наделов и введения в хозяйственный оборот новых пашен, нередкими для степных областей были неурожайные годы, которые пришлось на начало 1890-х гг. Жители казачьих поселков Кокчетавского уезда, переселившиеся в Степь еще в середине XIX в., стали вырубать леса из юртовского надела и распродавать пиломатериалы в виде бревен и плах в крестьянских селениях, где шло строительство новоселами постоянного жилья, и

уездных центрах — Атбасаре, Кокчетаве и Петропавловске. Председатель Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев, наблюдавший в 1893 г. сложившуюся у мордвы, зачисленной в казачье сословие, практику порубки юртовского леса, т.е. принадлежавшего Сибирскому казачьему войску, отметил, что «ввиду громадного значения почти всех Кокчетавских лесов, как источника, дающего начало всем степным рекам, речкам и ключам — следовало бы, по-видимому, обратить эти леса в защитные с установлением рубки, совершенно обеспечивающей сохранность этих лесов на будущее время, не лишая местных жителей необходимого строительного, поделочного материала и топлива» [ГИАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 417, л. 16–16 об.].

Насущной проблемой в степных областях было отсутствие пригодной для питья воды. Особенно остро этот вопрос стоял перед крестьянами, поселившимися в Омском и Петропавловском уездах: «...они предполагали найти “млечную воду с кисельными берегами”, а нашли в действительности соленую, тухлую, совершенно негодную воду для употребления ни человеку, ни скоту» [Тихонов, 1903а, с. 26]. Обследовавший в 1899 г. переселенческие участки Петропавловского уезда старший помощник начальника отделения канцелярии Комитета министров Н.В. Сосновский отмечал, что практически во всех поселках, расположенных преимущественно при горько-соленых озерах, были проведены гидротехнические работы: за счет государства были вырыты колодцы, организованы копаны для стирки белья, устроены насыпи для водохранилищ и установлены фильтры для воды [РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 408, л. 22 об.–24]. Однако новоселы, переселившиеся преимущественно во второй половине 1890-х гг. из малороссийских губерний, игнорировали подобные усовершенствования. Повсеместно переселенцы отрицали пригодность фильтров, не использовали их и не следили за их исправностью [Там же, л. 22 об., 23, 24]. Копан для стирки белья в п. Ивановке использовался для водопоя скота, в результате чего пришел в негодность [Там же, л. 23]. Отмечалось, что крестьяне «относятся гораздо заботливее и бережливее к своим колодцам, чем к казенным», поскольку в 93 % колодцев, вырытых на средства крестьянских обществ, находилась пресная вода, в то время как в казенных колодцах она обнаруживалась лишь в 61 % случаев [Там же, л. 25].

Н.В. Сосновский назвал в качестве причины отсутствия «умелого и хорошего обращения» с гидротехническими сооружениями у малороссийских переселенцев непонимание крестьянами своей пользы от этих сооружений, поскольку они сами же способствовали загрязнению устроенных для питья водохранилищ: мыли в них белье, пускали скот на водопой [Там же, л. 24]. Разъяснения со стороны чиновников гидротехнических экспедиций не воспринимались крестьянами, которые своим пренебрежительным отношением к установленным казенным сооружениям пытались переложить ответственность и финансовые издержки на их содержание на государство. В связи с чем Н.В. Сосновский предложил установить строгую ответственность за нарушение правил пользования обводнительными сооружениями и назначить особых сторожей для охраны фильтров и водохранилищ от небрежного использования [Там же, л. 23 об.], пытаясь таким образом заставить переселенцев отказаться от практики минимализации общественных расходов за счет казны.

Своеобразным регулятором неформальных практик становится крестьянская община, мирское сообщество, принимающее решение по ряду вопросов, не освещенных в законодательстве, выносящее одобрение тем или иным действиям односельчан. Необходимость в личных контактах, кредите доверия приводит переселенцев к убеждению в выгоде селиться в компании земляков, схожих по экономическим практикам и бытовым привычкам.

Неформальные практики, являясь необходимым элементом повседневной жизни переселенцев, требовали наличия неформальных связей, которые проще было завести между людьми, уже объединенными если не общими интересами, то верой или землячеством. Чиновники переселенческого управления отмечали: «Одним из существенных условий для образования прочного переселенческого поселка является однородность его состава. Обыкновенно переселенцы уже во время пути соединяются в отдельные группы из лиц, принадлежащих к одной и той же местности. Затем и при водворении они стремятся поселиться все вместе, с неохотой допуская в свою среду переселенцев из других губерний. Это стремление образовывать однородные по своему составу поселки вполне естественно, потому что по условиям крестьянской жизни даже незначительная разница в привычках и обычаях ведет в дальнейшем к серьезным осложнениям. А разница в племенном происхождении, в верованиях и в языке, по большей части, исключает всякую возможность совместной жизни» [Там же, л. 50 об.–51].

Опыт свидетельствует, что даже водворение в одном поселке малороссов и великороссов весьма часто сопровождалось затруднениями и вело к спорам и жалобам. При численном пре-

обладании великороссы малороссы жаловались, что им «житья нет от кацапов», а в обратном случае великороссы чувствовали себя угнетенными и уверяли, что их «хохлы задавили». В этом отношении поучителен случай в Кызынджувском поселке Минусинского уезда, заселенном лютеранами; они отличались между собой только тем, что часть их прибыла из Волынской губернии и придерживалась нового календарного стиля, а остальные вышли из Прибалтийского края, где усвоено юлианское летоисчисление. Разница оказалась достаточной, чтобы часть новоселов разбрелась из поселка и образовала новое поселение — Кожуховское [Там же].

Как замечал советник Акмолинского областного правления Т.И. Тихонов, объезжавший в 1895 г. степные переселенческие поселки, «даже во время голода и неурожая рознь не прекращалась: новоселы “разношерстных пестрых” поселков не в состоянии были сплотиться для мер самопомощи» [1903b, с. 89]. Инспектировавший летом 1896 г. состояние переселенческого дела в Акмолинской и Семипалатинской областях Сувчинский зафиксировал попытку переселенцев-малороссов, обосновавшихся в одном поселении с новоселами-великороссами, использовать разницу в структуре хозяйства (наличие у малороссов быков для пахоты, а у великороссов — лошадей) для уклонения от подводной повинности [РГИА. Ф. 391, оп. 2, д. 286, л. 27 об.]. Возникший на этой почве конфликт удалось решить институциональным путем, через принятие на сельском сходе приговора о найме земского ямщика [Там же]. В целом Сувчинский положительно оценивал совместное водворение великороссов и малороссов, замечая, что «единство веры, преданность государственным началам, общие интересы по поселку и отчасти удаленность от родины, тесно сплавивают их между собою» [Там же, л. 27].

Заключение

Таким образом, среди факторов, повлиявших на распространение неформальных экономических практик среди переселенцев, можно выделить в первую очередь ограниченность или избыток природных ресурсов: леса, воды, земли. Заметно разграничение практик между лесной и степной зонами юга Западной Сибири, изобилующими соответственно лесом и пахотными угодьями. Особняком стоят водные ресурсы. В лесной зоне, где они в изобилии, население еще не способно было нанести значительный, видимый хозяйственный урон ресурсам, в степной зоне отмечалось два противоположных варианта: хищническое использование и засорение (малороссы) и экологичное, бережное расходование ресурсов с применением интенсивных методик и сложных конструкторских решений (немцы). Это позволяет говорить о влиянии хозяйственных традиций в местах исхода на экономические практики и адаптацию переселенцев в Сибири.

Наиболее явным адаптационным итогом неформальных практик является повышение устойчивости крестьянского хозяйства. В зависимости от урожайности переселенец получал возможность перенести центр хозяйственных операций на промыслы и пережить сложные времена. Развитие промыслов, хотя и спасало крестьянские семьи от голода и финансового краха, способствовало распространению не прогрессивных, а отсталых форм земле- и ресурсопользования, основанных на экстенсивном сельском хозяйстве и хищническом отношении к природе.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 19-09-00487а «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Неформальная экономика в России: Краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. Март. С. 99–111.
- Бережнова М.Л.* Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Известия АлтГУ. Сер. История. Политология. 2009. № 4/3 (64/3). С. 32–36.
- Букейханов А.* Переселенцы в Тарских урманах: (Из записной книжки статистика) // Сибирские вопросы. 1908а. Год IV. № 11. С. 1–9.
- Букейханов А.* Переселенцы в Тарских урманах: (Из записной книжки статистика) // Сибирские вопросы. 1908b. Год IV. № 12. С. 7–12.
- Дедлов В.Л.* Переселенцы и новые места. Панорама Сибири: Художественная публицистика. М.: Ин-т социальной памяти, 2008. 456 с.
- Клоков К.Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 142–165. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1\(7\)-142-165](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165)
- Липинская В.А.* Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 83–101.

Любимова Г.В. Русские Сибири: Проблемы экологической адаптации аргарных переселенцев конца XIX — начала XX века // Баландинские чтения: Сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. 2018. Т. XIII. С. 518–522. <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10048>

Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 238 с.

Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука, 1991. 208 с.

Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2003. № 4–5. С. 148–158.

Плюснин Ю.М. Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. 21 (1). С. 73–106. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.4>

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: Оценки и прогнозы имперских экспертов // Дятлов В.И. (ред.). Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–65.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: Имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.

Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель. 2009. 403 с.

Самсонов В.В. Гносеологические возможности применения концепции эксплоярных структур Т. Шанина в исследованиях неформальной экономики // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2010. Т. 8. Вып. 1. С. 102–108.

Тихонов Т.И. Письма о переселенцах в Сибири // Русский вестник. 1896. Июль. Т. 245. С. 313–330.

Тихонов Т.И. О нуждах оседлого и кочевого населения Акмолинской области // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. LVII: Степной край. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903а. С. 19–81.

Тихонов Т.И. Современный гражданский порядок и общинное владение и пользование землею у крестьян-переселенцев Акмолинской области // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. LVII: Степной край. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903б. С. 82–96.

Щеглова Т.К. Культура жизнеобеспечения русского сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: Традиции и инновации по материалам полевых исследований 2015–2017 годов // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье: (Археология, этнография, устная история): 2017 год: Материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. С. 194–201.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001. Вып. 1. 184 с.

ИСТОЧНИКИ

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 417.

РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 522. Оп. 2. Д.286, 838, 919. Оп. 4. Д. 38. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 359, 408. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70.

Krikh A.A.* , Mulina S.A., Chernova I.V.

Omsk, Dostoevsky Omsk State University, prosp. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation

E-mail: krikh_aa@mail.ru (Krikh A.A.); swetmulina@rambler.ru (Mulina S.A.);

ChernovaIV@omsu.ru (Chernova I.V.)

Informal economic practices as a mechanism of adaptation of migrants in the south of Western Siberia in the late 19th — early 20th centuries

During the process of development of remote regions of Russian Empire, the state played the most important role, legislatively regulating the resettlement process and penal colonization. Despite the efforts of the state, informal economic practices became the means of adaptation of migrants to the new climatic and social circumstances they were exposed to as a result of migration. The variety of the practices was most vividly manifested during the years of large-scale peasant resettlements to Siberia at the turn of the 19th — 20th c. This phenomenon was reflected in the reports, essays and travel diaries of officials, which supervised the land management matters of the resettlement, which made possible the comparison of informal economic practices in different climatic zones — the taiga and the steppe. The methodological basis of the study is the concept of the informal economy by T. Shanina, which considers the informal practices as a universal restorative mechanism that makes it possible to “soften” the most acute social and economic contradictions. That mechanism provides survival in such conditions when other social mechanisms fail. The resettlement households of the taiga regions were characterized by primitive methods of deforestation and felling for sale to the steppe districts, which prompted chances in the na-

* Corresponding author.

ture of urmans. As a consequence of the informal economic behavior of late settlers in the areas with abundant forests, the building density of homesteads became high, which resulted in that even newly formed settlements appeared as solid wooden walls. Such dense building development contradicted the directives of the resettlement officials, which appealed to the building statute regulations. In the southern steppe regions of Western Siberia, the settlers used land holdings on the basis of a seizure right using shifting cultivation system and seeding the fields mainly with wheat without applying crop rotation. In the settlements located at the bitter-salt lakes, hydraulic engineering works were carried out. However, the late settlers ignored such improvements; they denied the suitability of the filters, did not monitor their condition, and even contributed to the pollution of the water reservoirs arranged for drinking. The adaptive result of the informal practices is the increased stability of the peasant economy. Depending on the yields, the new settlers was able to transfer the center of economic operations to and survive difficult times. The development of promysels saved peasant families from hunger and financial collapse, yet contributed to the spread of non-progressive, backward forms of land and resource use, which were based on extensive agriculture and a predatory attitude towards nature.

Keywords: informal economy, traditional use of nature, colonization, peasants, settlers, Western Siberian urmans and steppe.

Funding. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00487a “Traditional and modernist village: ethnographic study of the development strategies of rural areas in the South of Western Siberia”.

REFERENCES

- Barsukova, S.Iu., Radaev, V.V. (2012). Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Ekonomicheskaja sotsiologija*, 13(2), 99–111. (Rus.).
- Berezhnova, M.L. (2009). First Steps in the New Homeland: New Models of Nature Use of Belarusian Migrants in Urman. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii. Politologija*, (4/3), 32–36. (Rus.).
- Bukeikhanov, A. (1908a). Settlers in the Tara urmans (From the statistics notebook). *Sibirskie voprosy*, (11), 1–9. (Rus.).
- Bukeikhanov, A. (1908b). Settlers in the Tara urmans (From the statistics notebook). *Sibirskie voprosy*, (12), 7–12. (Rus.).
- Dedlov, V.L. (2008). *Settlers and new places. Panorama of the Siberia. Artistic journalism*. Moscow: Institut sotsial'noi pamiaty. (Rus.).
- Fedorova, M.I. (2015). Peasant resistance to the state reforms — experience of XX century. *Omskii nauchnyi vestnik*, (1), 21–24. (Rus.).
- Klokov, K.B. (2020). Between the state and the market: informal practices in the use of wildlife resources in Siberian villages. *Etnografiia*, 7(1), 142–165. (Rus.).
- Lipinskaia, V.A. (2003). Historical and ecological features of the traditional culture of the Russian population of Siberia and the Far East. *Rossiiia i ATR*, 42(4), 83–101. (Rus.).
- Liubimova, G.V. (2018). Siberian Russians: problems of ecological adaptation of agrarian settlers in the Late 19th — early 20th centuries. *Balandinskii chtenii: Sbornik statei nauchnykh chtenii pamiaty S.N. Balandina. T. 13*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet arkhitektury, dizaina i iskusstv, 518–522. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10048>
- Mamsik, T.S. (1989). *Economic development of Southern Siberia: the mechanism of the formation and functioning of the agro-craft structure*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Minenko, N.A. (1991). *Ecological knowledge and experience in the use of natural resources of Russian peasants in Siberia in the 18th — First half of the 19th centuries*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Nikulin, A.M. (2003). Power, subordination and opposition in James Scott's “ethcal economy” concept. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Sotsiologija*, (4–5), 148–158. (Rus.).
- Pliusnin, Yu.M. (2018). The crafts of a province: archaic and modern economic practices of the provincial households. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 21 (1), 73–106. (Rus.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.4>
- Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2010). Controlled colonization and spontaneous migration processes in the Asian province of the Russian Empire: Estimates and forecasts of imperial experts. *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri: Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov*. Irkutsk: Ottisk, 17–65. (Rus.).
- Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2013). *Colonization of the Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th — early 20th centuries*. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).
- Samsonov, V.V. (2010). Gnoseological possibilities of application of the concept of ex-polar structures of T. Shanin in researches of informal economy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiiia*, 8(1), 102–108. (Rus.).
- Shcheglova, T.K. (2018). Life sustaining culture of Russian rural population of the south of the Western Siberia during the years of the Great Patriotic war: Traditions and innovations in the basis of field research materials 2015–2017 years. In: *Polevyie issledovaniia na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e: (Arkheologija, etnografiia, ustnaia istoriia): 2017 god. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Gorno-Altai: BITs GAGU, 194–201. (Rus.).

Shelegina, O.N. (2001). *Adaptation of the Russian population in the conditions of the development of the territory of Siberia: (Historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries.)*. Vyp. 1. Moscow: Logos. (Rus.).

Shilovskii, M.V. (Ed.) (2009). *The role of the state in the development of Siberia and the Upper Irtysh region in the 17th–20th centuries*. Novosibirsk: Parallel'. (Rus.).

Tikhonov, T.I. (1896). The letters about settlers in the Siberia. *Russkii vestnik*, (245), 313–330. (Rus.).

Tikhonov, T.I. (1903a.). On the needs of the sedentary and nomadic population of the Akmola region. *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhoziaistvennoi promyshlennosti. T. LVII: Stepnoi krai*. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma, 19–81. (Rus.).

Tikhonov, T.I. (1903b.). The modern civil law and order and communal ownership and use of land among the migrant peasants of the Akmola region. *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhoziaistvennoi promyshlennosti. T. LVII: Stepnoi krai*. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma, 82–96. (Rus.).

Крих А.А., <https://orcid.org/0000-0001-7461-1574>

Мулина С.А., <https://orcid.org/0000-0002-4149-0291>

Чернова И.В., <https://orcid.org/0000-0002-6960-7762>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022